

Колкое замечание с цитатой Ван Мана оказалось слишком болезненным. По крайней мере, Лю Чэ, оправившись от первоначального шока, счёл своим долгом дать решительный отпор, чтобы сохранить хотя бы толику достоинства дома Лю и не позволить Му Ци так откровенно торжествовать и упиваться своей правотой.

Впрочем, напрямую защищать провалы в государственном управлении было слишком сложно (ведь поведение тех двух чиновников было воистину отвратительным). Но Император Сяо-у нашёл иной путь для возражения. Он решительно указал, что за последний месяц прибыль их предприятия составила около шести тысяч монет. Даже после грабительского «налога на лодки и повозки» львиная доля прибыли осталась у него в руках. Торговлю всё ещё можно было вести, и до описанного Ван Маном положения, когда «доходов не хватает для выживания», а люди «от нищеты становятся преступниками», было ещё очень далеко!

Следовательно, обвинения эти были пристрастны, преувеличены и не отражали реального положения дел, а значит, не могли служить основанием для каких-либо выводов!

Му Ци, выслушав эту стройную и логичную отповедь, лишь мягко улыбнулся.

— Правда? — ласково произнёс он.

— Конечно, так...

— Что ж, если «конечно, так», давайте просто подождём, — прервал его юноша. — Это ведь не займёт много времени, верно?

Как оказалось, прозорливость Му Ци была полностью оправданной. Так называемый «налог на лодки и повозки» оказался лишь лёгкой закуской перед основным пиршеством чиновничьего грабежа. Три дня спустя нагрянула новая группа чиновников, на этот раз из ведомства великого цензора-секретаря, с требованием уплатить «подушный налог». По идее, этот налог следовало платить по месту рождения, и требование повторной уплаты в столице было лишено всякой логики. Но перо чиновника, как известно, с логикой не дружит. Пришлось, стиснув зубы, отдать ещё шестьсот монет.

Через семь дней явились люди от губернатора столицы и «одолжили» для государственных нужд двести рулонов ткани. В середине месяца постучались из Малой казны и, под предлогом помощи в делах парка Шанлинь, выудили ещё двести больших монет. К концу месяца... что ж, к концу месяца император не выдержал.

— Больше ждать нельзя! — созвав хоу Чанпина и хоу Гуаньцзюня, он сурово обрисовал сложившуюся ситуацию. — Если мы будем и дальше мешкать, нас ждёт полный провал!

И впрямь, ждать было нельзя. По подсчётам Вэй Цина, чистая прибыль на тот момент составляла всего две тысячи шестьсот монет. Положение стало шатким, и любой новый удар мог оказаться фатальным. Как только прибыль иссякнет и торговля остановится, Му Ци, вооружившись неопровержимыми доказательствами, обрушит на них всю мощь своей критики, и у них не найдётся ни единого слова в оправдание! Неужели придётся просто признать поражение?!

Кроме того, унижения, которым они подвергались от чиновников на протяжении нескольких месяцев, не давали императору покоя и вызвали глубочайшее потрясение. Если даже они, пользуясь всеми преимуществами современных технологий, едва сводят концы с концами в Чанъане, то в каком же положении находятся миллионы простых торговцев и ремесленников?

С этой точки зрения даже самые панические и подстрекательские речи Ван Мана внезапно обретали пугающую достоверность!

Лю Чэ не мог смириться с таким положением дел. Он с таким трудом организовал это путешествие во времени не для того, чтобы «стать свидетелем трагедии», «сокрушаться об истории» или «увидеть прошлое». Как только он осознал, что ситуация выходит из-под контроля, в его душе зародилась непоколебимая решимость.

— Нельзя допустить, чтобы ситуация ухудшалась, — твёрдо заявил император. — Нужны решительные меры, нужно как можно скорее решить проблему. Нельзя ждать, пока Поднебесная рухнет в хаос, а потом неспешно являться, чтобы подтирать за всеми задницы!

Вэй Цин едва заметно шевельнул губами, едва сдержавшись, чтобы не посоветовать Его Величеству быть осторожнее в выражениях.

«Если уж проводить такую аналогию, — подумал генерал, — то автором той самой «кучи», которую теперь нужно убирать, был не кто иной, как сам государь».

Однако он сдержался и, обойдя щекотливую тему, тихо спросил:

— Какова будет воля Вашего Величества?

— Какая ещё воля? — ответил император. — Всего лишь исполнение данного ранее обещания! Раз уж я сказал этому Му, что хочу «начать всё заново», то не могу сидеть сложа руки и смотреть, как всё катится в пропасть. Нынешние методы двора по сбору средств слишком хаотичны и агрессивны. «Знатные семейства притесняют народ, отбирают земли, грабят и обманывают»... Хм, нужно срочно менять подход, иначе быть большой беде.

В отличие от некоторых одержимых и неисправимых тиранов, император Сяо-у был искусен как в политических интригах, так и в стратегическом планировании, и умело использовал свои навыки против всех, кто ему не нравился. Но при этом он всегда оставался трезвым, проницательным и способным адекватно оценивать меняющуюся обстановку, никогда не

позволяя эмоциям влиять на свои политические решения. Он, конечно, инстинктивно не переносил язвительности Му Ци, но, осознав серьёзность ситуации, был готов совершить резкий разворот в политике без малейших угрызений совести.

Несколько дней назад он был твёрдо уверен, что прав он, а Му Ци ошибается. Теперь же он мог признать правоту юноши, но при этом и сам должен был оставаться правым. Ошибался другой «он», тот, что жил две тысячи лет назад. Какое отношение это имеет к нему нынешнему?!

Вэй Цин прекрасно знал характер своего государя, но в душе всё же испытывал некоторые сомнения. Честно говоря, ещё когда император объявил о своём желании «начать всё заново», у него зародились смутные подозрения. Ведь, по объяснениям Му Ци, пространственно-временной портал позволял лишь перемещаться, а не перерождаться. Даже если им удастся попасть в Западную Хань, в Чанъане того времени всё ещё будет здравствовать другой «император». Власть правителя не передаётся по крови автоматически; лишившись трона, монарх становится обычным человеком. Как же несколько простых смертных смогут перевернуть мир и «начать всё заново»?

Однако в тот момент государь был преисполнен уверенности и не терпел возражений. Долгое доверие к своему правителю также не позволяло подданным открыто высказывать свои сомнения. Поэтому все молчали, предполагая, что у Его Величества есть некий тайный план, некая скрытая козырная карта, которую он применит в решающий момент для достижения своей цели.

Но теперь, когда слова были сказаны и Его Величество уже твёрдо решил разработать и осуществить свой план, подданные, ответственные за его исполнение, не могли больше оставаться в неведении. Хоу Чанпину было уже неудобно задавать вопросы, поэтому более молодой хоу Гуаньцзюнь, немного подумав, осмелился учтиво спросить:

— Простите мою глупость, но что значит «сменить подход»?

— Всё очень просто. Есть два основных направления, — ответил император. — Первое — убедить другого «меня» в этой эпохе вовремя изменить курс и смягчить кризис.

Хоу Гуаньцзюнь мысленно усмехнулся.

«Вы что, считаете себя человеком, которого легко переубедить?»

Он тактично заметил:

— Боюсь, это будет нелегко.

— Тогда второй вариант, — заявил император. — Не менять подход, а менять человека. Найти способ устранить другого «меня» и лично встать у штурвала этого великого корабля —

Поднебесной!

Вэй Цин, до этого молча внимавший, ахнул. Счёты в его руках скользнули вниз и с громким стуком упали на прилавок, разбив стоявшую там чернильницу.

— «Не менять подход, а менять человека»?!

Му Ци был настолько ошеломлён, что голос его сорвался на визг:

— Что за чушь вы несёте!

Он с ужасом уставился на невозмутимого императора, и его охватило чувство полнейшего абсурда. Честно говоря, за годы службы в Бюро, мотаясь по разным эпохам и выполняя задания, он повидал немало безумных, невысказанных, причудливых вещей, да и сам порой придумывал нечто из ряда вон выходящее, шокируя ничего не подозревающих древних...

«Работа есть работа! — подумал он. — Кто на работе не сходит с ума?»

Но такого запредельного безумия, как у императора, он не встречал никогда!

— Это абсолютно невозможно! — отрезал юноша. — Это нарушает все мыслимые и немыслимые правила! Последствия будут катастрофическими!

— Какими последствиями?

— Император У-ди — ключевая фигура в историческом процессе. Просто так устранить... устранить его — значит обрушить всю временную линию, направить её в совершенно непредсказуемое русло. Бюро пространственно-временного администрирования придёт в ярость...

При этих словах хозяина лавки охватило острое сожаление. Вероятно, за последние месяцы господин Лю казался ему таким простым и безобидным, что он совершенно забыл о его разрушительном потенциале. Он упустил из виду, что император Сяо-у, столкнувшись с серьёзными трудностями, никогда не впадал в уныние, не шёл на компромиссы и не сдавался. Его первой реакцией всегда был ещё более мощный и жёсткий контрудар!

Сюнну создавали ему проблемы — и сюнну были разгромлены. Западные царства создавали ему проблемы — и западные царства были уничтожены. Даже его родной и любимый наследник, осмелившийся пойти против его политической воли, был подвергнут самой жестокой и беспощадной расправе. Эти исторические факты были давно известны, но Му Ци и в страшном сне не мог представить, что, обнаружив, что препятствием является другой «он сам», император без малейших колебаний выскажет столь чудовищную идею!

— Кто сказал, что его нужно устранять? — видя его ошеломлённое состояние, император презрительно хмыкнул, словно поражаясь трусости и отсутствию воображения у своего гостеприимного хозяина. — Мы не убиваем, мы меняем. Меняем на того, кто сможет контролировать ситуацию и обновить управление страной. Строго говоря, это даже не замена, ведь на троне по-прежнему буду сидеть «я»!

— Во-первых, история — не математика, здесь не бывает равноценных замен. Во-вторых, даже если бы такая замена была возможна, как вы собираетесь её осуществить? — язвительно заметил Му Ци. — Нам что, вломиться во дворец Вэйян, выбить двери в покои Его Величества, стащить его с кровати и объявить, что Бюро решило отправить его в длительный отпуск, а его обязанности временно будет исполнять другой «он»?

— Примерно так.

— ...А?!

— Конечно, сам метод придётся изменить, — сказал император. — Во-первых, мы не можем просто так вломиться во дворец Вэйян. Охрана внутренних покоев несокрушима, и без применения неких «современных технологий» у нас нет ни единого шанса. Во-вторых, Сын Неба всегда окружён свитой, его выходы и въезды строго охраняются. Даже если нам чудом удастся проникнуть во дворец, мы никогда не сможем остаться наедине с другим «мной». О том, чтобы раскрыть свою личность и предложить ему «уйти в отпуск», не может быть и речи.

Он сделал паузу и медленно добавил:

— Поэтому, чтобы завоевать абсолютное доверие другого «меня» и получить возможность приблизиться к нему, придётся прибегнуть к особым методам...

— Особым методам? Какие такие особые методы могут обеспечить «абсолютное доверие»? — юноша на мгновение замер, а затем его осенило. — А, вы хотите обмануть его с помощью магии и колдовства, так?

Император подумал:

«...Вообще-то, можно было и не догадываться так быстро, правда».

— Верно, — без тени смущения подтвердил он. — «Портал» ведёт в начало лета четвертого года эры Юаньшо. В шестом месяце того года «я», будучи в отъезде, простудился. Пять видов жара скопились в груди, вызывая чувство стеснения и беспокойства. Придворные лекари перепробовали всё, но не смогли помочь. И только в восьмом месяце евнух по имени Фа Гэнь порекомендовал одного заклинателя, искусного в искусстве заклинаний и молитв. После того как тот полдня читал заклинания и воскуривал благовония, болезнь действительно пошла на спад. Моя вера в магию, вероятно, и началась с того момента...

Да, одержимость императора суевериями была отчасти вызвана семейной предрасположенностью, унаследованной от предков, начиная с императора Гао-цзу, а также влиянием распространённого в Гуаньчжуне культа духов и призраков. Но главной и самой важной причиной было то, что это действительно работало. С начала эры Цзяньюань государь часто болел во время своих поездок. Придворные лекари произносили банальности и прописывали бесполезные отвары, в то время как сопровождавшие его заклинатели предлагали тайные искусства, которые часто приносили чудесное исцеление. Контраст был настолько разительным, что неудивительно, что Сын Неба безоговочно уверовал в их силу, доходя в своём рвении до полной иступлённости.

В каком-то смысле это было неизбежным следствием политического стиля императора У-ди. Его принцип в подборе кадров — «доверять до конца, невзирая на трудности и препятствия». Такой подход, применённый к Вэй Цину и Хо Цюйбину, принёс невиданные успехи, а применённый к Цзян Чуну и Ли Гуанли — неминуемо привёл к катастрофе. Резкие взлёты и падения, бурные вихри судьбы — то в рай, то в ад, — но никогда никакой посредственности, скуки и рутинной формальности.

И сейчас действовала та же логика, та же решимость. Раз уж он решил «менять человека», его не остановят никакие преграды, даже если этой преградой будет другой «он сам». Он без обиняков раскрыл свои слабости, фактически бросив вызов Му Ци: ради достижения политической цели он безжалостно устранил даже «самого себя»!

На небесах и на земле — лишь я один достоин почитания. Но в случае императора это было не просто «лишь я один», а «лишь я нынешний». Прошлый «я» был наивным и заносчивым юнцом, будущий «я» — дряхлым и упрямым стариком. Только нынешний «я» был совершенным, разумным, истинно высшим «я». И ради желаний нынешнего «я» все прошлые и будущие «я» были лишь топливом, материалом для критики, пищей для огня. Прошлое и будущее должны уступить дорогу настоящему.

Такая неукротимая жажда, не знающая сомнений, компромиссов и самобичевания, пожалуй, во всей своей полноте могла проявиться лишь в личности такого эталонного самодерца, как император У-ди.

Хотя обычно Му Ци не упускал случая раскритиковать феодальных деспотов, сейчас, столкнувшись с деспотом из деспотов, он не находил слов для иронии. Он молчал, слушая, как Его Величество с абсолютной уверенностью излагает свой вывод:

— После месяца болезни другой «я» будет в отчаянии, готовый на всё ради исцеления. Любой, чьи тайные искусства окажутся действенными, легко завоюет его доверие. Если, воспользовавшись этим доверием, удастся изолировать его от посторонних — хотя бы на короткое время, — дело будет сделано!

— Тайные искусства, — повторил юноша. — Какие именно тайные искусства вам нужны?

— Для современной «производительной силы» это не должно составить труда.

Император припомнил фокусы, которые показывали ему заклинатели.

— Я помню, тот заклинатель, которого рекомендовали во дворец в годы Юаньшо, мог менять цвет ткани по своему желанию. Стоило ему провести рукой — и она становилась то синей, то фиолетовой, эффект был поразительный...

— Реакция природного индикатора на кислоту и щёлочь, — сухо заметил Му Ци. — Химия для средней школы.

К сожалению, господин Лю, поглощённый математикой, ещё не успел достичь высот в естественных науках. Но, к счастью, в комнате присутствовали люди более сведущие, которые путём самообразования уже освоили основы химии для средней школы — например, хоу Чанпина и хоу Гуаньцзюня. Эти двое, доселе молчавшие, услышав объяснение Му Ци, мгновенно изменились в лице, и их щёки окрасились всеми цветами радуги.

Пожалуй, подданным не пристало слушать тайны о том, как их государя водили за нос с помощью уроков химии для средней школы.

— Он также владел тайным искусством управления дыханием, мог входить в кипящее масло и оставаться невредимым...

— Вероятно, добавил буру, — сказал Му Ци. — При нагревании бура выделяет углекислый газ, создавая видимость кипения. Это тоже химия для средней школы.

Император на мгновение замолчал.

— ...Найди мне учебник «Химия для средней школы».

— Хорошо.

— Раз уж всё это — «химия для средней школы», то разработку фокусов для привлечения внимания и демонстрации силы я поручаю господину Му, — сказал император. — Что до остального... план охраны дворца Вэйян и парка Шанлинь, а также детали самой замены мы с хоу Чанпином продумаем. План должен быть готов в ближайшие дни, и действовать нужно как можно скорее.